Купец Иголкин

В Швеции, в числе многих пленных русских, был и князь Долгоруков, которому удалось убежать из плена. Этот побег так ожесточил шведское правительство, что приказано было всех оставшихся русских рассадить по тюрьмам и держать в оковах. Между русскими был купец Иголкин, который до войны со Швециею торговал там и знал шведский язык. Сидя в тюрьме, Иголкин услышал однажды как караульные солдаты бранили Петра.

— Зачем вы браните Помазанника Божия, — говорил им Иголкин, — почем мы с вами знаем дела вашего Государя с нашим; почем мы знаем за что они воюют?

Солдаты, однако, не унялись и продолжали бранить Петра. Тогда Иголкин призывает унтер-офицера, жалуется ему на солдат и просит его, чтобы он их унял. Но унтер-офицер рассмеялся на эту жалобу, и солдаты продолжали прежний разговор.

Выведенный из терпения Иголкин тихо подходит к одному из солдат, быстро вырывает из его рук ружье и еще быстрее закалывает сначала вооруженного часового, а потом и безоружного. Затем спокойно возвращается на свое место. Схваченный без сопротивления офицером, он был приведен на суд.

— Как ты смел убить солдат? — спросили его.

— Я, — отвечал без страха Иголкин, — как верный подданный своего Государя, обязан законом Божьим, гражданским и присягою пролить за честь его последнюю каплю крови; слыша же священное имя его ругаемое, увещевал их уняться; но они не послушались; я позвал унтер-офицера, жаловался ему на них; но тот вместо удовлетворения смеялся только надо мною, и они стали еще поносить великую особу Помазанника Божия. Что же мне оставалось делать? Я должен был или отомстить ругателям смертью, или пролить свою кровь. Но правосудный Бог помог мне наказать дерзких. Теперь участь моя в ваших руках; делайте, что вам угодно. Я исполнил долг свой, презираю все, и без страха готов принять смерть за честь моего Государя.

Такая твердость духа, такая смелая и разумная речь привела судей в недоумение, они не решились произнести приговор, не доложив прежде во всей подробности дело своему государю.

— В таком грубом народе — и такой человек! — сказал Карл, выслушав доклад, и приказал Иголкина привести к себе, которого подробно расспросил обо всем.

Так как в это время война с Россией приняла для шведов несчастный оборот, и велись уже переговоры о замирении, то Карл, желая угодить Петру, приказал отослать Иголкина в Россию, описать Петру подробно всю историю его и поздравить русского Государя с таким примерным подданным.

Петр, принимая Иголкина, не мог не прослезиться и, обращаясь к своим, сказал:

— Вот образец верности!

Обняв и поцеловав его, он сказал ему:

— Проси у меня, друг мой, что тебе хочется; я все тебе обещаю.

— У меня, Государь, в Новгороде еще столько осталось дохода, что я могу прожить без нужды остаток дней моих; а потому мне нечего желать; довольно с меня одной твоей Монаршей милости.

— Нет, — отвечал Петр, — я не буду покоен до тех пор, пока не награжу тебя; воля моя неизменна; объяви, что тебе надобно?

— Если тебе это непременно угодно, Государь, — отвечал Иголкин, — то отдай мне в Новгороде кабак, находящийся около моего дома.

— Ну, — сказал, рассмеявшись, Петр, — если бы ты у меня запросил и весь Новгород, то я не мог бы тебе отказать; пусть будет по-твоему.

Кроме того, Петр наградил Иголкина еще деньгами.

С тех пор Петр не иначе называл Иголкина как «дедушкою», и каждый раз, проезжая через Новгород, заезжал к нему. В доме Иголкина понравился Петру внук его — парень лет двадцати.

— Дедушка, отдай мне твоего внука, — сказал однажды Петр Иголкину, — я запишу его в мой полк, сделаю его офицером и позабочусь о его счастии.

— Не могу, Государь, — отвечал Иголкин, — у меня только и радости, что внук; да к тому же без него у меня некому и управлять делами. У тебя, Государь, кроме моего внука, есть о чем позаботиться; у тебя много всяких дел и забот, и не трудно тебе будет о нем и позабыть.

— Нет, дедушка, напрасно ты это говоришь; я никогда не позабываю услуг.

После долгих настояний Петра, Иголкин принужден был наконец уступить и исполнить желание Государя. Внук Иголкина был записан солдатом в Преображенский полк, где считался полковником сам Петр под именем Петра Михайлова. Но так как в то время шли мирные переговоры с Швециею, и сам Петр почти все время прибывал в Лифляндии, чтобы быть как можно ближе к месту, где собирались для переговоров, то о внуке Иголкина, конечно, было забыто, и прошло уже много времени, — а он все был простым солдатом.

Узнав однажды, что Петр прибыл в Петербург, Иголкин отправился туда же и, написав жалобу на полковника Петра Михайлова, принес ее в сенат. Здесь ему объяснили, что полковник Петр Михайлов есть никто иной, как сам Государь, почему никто и нигде жалобы на него принять не может. Тогда Иголкин поднимает такой вопль, что шум доходит до ушей Петра, который сам был в это время в сенате; Государь пожелал узнать о причине шума. Ему докладывают, что какой-то сумасшедший старик принес жалобу на полковника Петра Михайлова, и хотя ему объяснили, кто такой этот полковник и что жалоба принята быть не может, однако он ничего не хочет слушать и требует, чтобы от него приняли жалобу. Узнав, что это Иголкин, Государь сказал:

— Ах! Он не сумасшедший; я знаю его, и я действительно виноват перед ним; возьмите его просьбу, введите его сюда и помирите меня с ним.

Приказание Петра было исполнено; просьба его была принята и сам он был введен в сенат. Один из сенаторов, Яков Федорович Долгоруков, знавший Иголкина в Швеции, где оба они в одно время были в плену, сказал:

— Ну, старинушка, Государь сознается, что он виноват перед тобою. Помирись с ним.

— Какая мне польза в его признании, — отвечал сквозь слезы Иголкин, — внук мой и поныне еще солдатом.

— Ну, дедушка, — сказал, подходя к нему, Петр, — забыл я обещание мое; но как внуку твоему уже два месяца должно быть прапорщиком, то ныне, за вину мою, жалую его подпоручиком; помиримся.

Старик, плача теперь от радости, сказал:

— Ну, Бог тебя простит; я теперь не истец.

Вместе с тем Петр позволил Иголкину взять своего внука в отпуск на продолжительное время.